

Югославия в балканской и европейской политике в начале Второй мировой войны: попытка лавирования и ее крах

Л. Я. Гибианский*

К началу Второй мировой войны государства обширного геополитического региона, состоявшего из стран Балканского полуострова, Турции, балканской лишь частично, а также примыкавшей к Балканам Венгрии, занимали довольно разные позиции по отношению к державам, которые в первые дни сентября 1939 г. стали воюющими сторонами. В то время как одни из государств названного региона были уже серьезно привязаны к нацистской Германии (Венгрия) или преимущественно ориентировались на нее (Болгария), другие больше тяготели к англо-французской коалиции либо в той или иной мере пытались балансировать между нею и Третьим рейхом. Но как только разразилась война, правительства всех этих балканских и примыкавших к Балканам стран, независимо от их внешнеполитической ориентации, сочли за благо занять позицию, которая, насколько возможно, отводила бы от их государств угрозу затягивания в военный водоворот. Все они заявили о своем нейтралитете или неучастии в войне.

Подобную позицию заняло и одно из наиболее крупных балканских государств — Королевство Югославия. Уже 4 сентября 1939 г. его правительство поспешило выступить с заявлением, что страна будет оставаться нейтральной в связи со всеми столкновениями, «в которых не затрагиваются ее независимость и целостность»¹. Это являлось продолжением осторожного внешнеполитического маневрирования, проводившегося Белградом еще в канун войны и наглядно продемонстрированное в мае–июле 1939 г. последовательными визитами, которые фактический правитель Югославии князь Павел Карагеоргиевич, первый по рангу из трех ре-

гентов при малолетнем наследнике престола Петре, его двоюродном племяннике, нанес в Рим, Берлин и Лондон. Однако подчеркнуто заявленная с началом войны югославская позиция нейтралитета, в решающей мере определявшаяся непосредственно Павлом Карагеоргиевичем (его в нашей историографии принято именовать принцем-регентом), была в действительности обусловлена отнюдь не одинаковым отношением к воюющим державам.

Что касалось отношения к немецкой стороне, то нацистская агрессия, непосредственно вызвавшая войну, значительно усилила и делала все тревожнее представления Павла и основных фигур правительства о том, что внешнеполитические устремления Гитлера несут в себе чрезвычайную опасность для Югославии. Тем более что Германия после аншлюса Австрии стала непосредственной югославской соседкой. Первые же две с половиной недели войны оказали мощное воздействие демонстрационного эффекта, показав победное продвижение немецких войск, обрушившихся на Польшу, и ее поражение в условиях, когда она так и не получила реальной военной поддержки со стороны Великобритании и Франции, давших ей до того гарантии защиты ее независимости. Те, кто стоял у власти в Югославии, не могли не прикидывать эту ситуацию на случай, если бы вдруг объектом германского удара оказалась их собственная страна. Они видели несопоставимость югославского оборонного потенциала с многократно превосходившей его мощью гитлеровской военной машины. И это являлось фактором, способным еще больше укреплять их в убеждении о крайне настоятельной необходимости поддерживать с Берлином как можно более тесные отношения, выказывать ему

* Леонид Янович Гибианский — старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

свою лояльность и желание активной взаимной связи. При этом представления относительно того, каков допустимый предел связи с нацистской Германией, были отнюдь не одинаковыми у разных правительственных деятелей. Одни были склонны, чтобы Югославия, сотрудничая с Третьим рейхом в основном экономически, соблюдала, однако, необходимую политическую дистанцию, в большей мере сохраняла нейтральное положение. Другие, преимущественно те, кому сильнее импонировал внутренний гитлеровский порядок, считали возможным идти, если нужно, дальше, допуская и более близкие политические отношения.

О том, кто из правящего круга придерживался какой конкретной позиции, впоследствии в исторической литературе высказывались разные мнения, порой отличные друг от друга. В работах ряда югославских, а отчасти и постюгославских историков, особенно сербских, те или иные министры нередко изображались вообще сторонниками прогерманской ориентации, а то и просто агентами Берлина. Более того, во времена послевоенного коммунистического правления, особенно в его более ранний период, часть тогдашней официальной югославской историографии, делая упор на произошедшее в марте 1941 г. присоединение Югославии к государствам «оси» (об этом еще речь впереди), проявляла даже поползновения характеризовать весь внешнеполитический курс правительства и самого принца-регента как прогерманский, ориентированный вообще на державы «оси». Подобная оценка, удобно укладывавшаяся в схему «классового анализа политики буржуазного режима», охотно заимствовалась советской исторической литературой, превращаясь там в устойчивый стереотип для большинства авторов, в той или иной мере касавшихся данной темы. Следы влияния этого стереотипа все еще можно встретить в отдельных российских исторических работах, изданных уже в постсоветское время². Впрочем, его можно встретить и в некоторых сербских публикациях, выпущенных в постюгославский период³. Однако как для югославской историографии в более поздний коммунистический период, а затем в еще большей мере для постюгославской, так и для западной и современной российской историографии стало характерным преобладание иной оценки на основе анализа расширяющегося круга источников: для Павла и основных правительственных кругов проведение по отношению к Германии той линии, о которой говорилось выше, было преимущественно — а то и целиком — вынужденным. В следовании этой линии они усматривали один из немногих тогда шансов, если не почти единственный, удержать Гитлера от антиюгославских действий и «пересидеть» трудные времена в ожидании, когда на европейской и мировой сцене сложится ситуация, более благоприятная и безопасная для Югославии⁴.

Эти круги во главе с принцем-регентом себя соответственно и вели. Как сообщал в Берлин не-

мецкий посланник в Белграде в конце сентября 1939 г., Павел, беседуя с ним, всячески подчеркивал необходимость югославо-германского партнерства и особенно торгово-экономического сотрудничества, в котором сама Германия была очень заинтересована для получения из Югославии продовольствия и промышленного сырья, прежде всего руды цветных металлов. Принц-регент старался даже, прибегая к многозначительно-дипломатическим формулировкам, уверить посланника в том, что югославские предпочтения будто бы ближе к немецкой стороне, нежели к державам, являющимся ее противниками в войне: «Как бы ни закончилась война, Югославия всегда останется соседом Германии, а не станет никогда соседом Англии»⁵. Что же касалось практических дел, а не только словесных заверений, Белград проявлял готовность к серьезному расширению торгово-экономических отношений с Третьим рейхом, в том числе шел навстречу настойчивым немецким пожеланиям дальнейшего увеличения югославских сырьевых и продовольственных поставок, столь нужных Гитлеру в условиях войны. Уже 5 октября 1939 г. было заключено соглашение (протокол), которым предусматривались новые крупные поставки на последующий период, включавшие, в частности, значительные объемы таких важных стратегических материалов для немецкой промышленности, как медь, свинец, алюминий. Оценивая соглашение, германские представители с удовлетворением отмечали, что Югославия в принципе обязалась предоставить половину своих излишков добычи руды и производства металлов⁶. Такая практика продолжалась и дальше.

Подчиняясь, таким образом, все усиливавшемуся экономическому диктату Берлина, югославское руководство вместе с тем стремилось использовать расширение товарооборота с Германией и для получения взамен, насколько возможно, немецкой промышленной продукции, в которой испытывала потребность Югославия. Причем помимо различных товаров гражданского назначения Белград был особенно заинтересован в приобретении вооружения. Необходимость значительных германских поставок военной техники как условия, при котором Белград готов пойти на крупное увеличение сырьевых и продовольственных поставок Третьему рейху, усиленно подчеркивалась югославскими представителями, в том числе самим Павлом и министром армии и флота генералом Миланом Недичем, в ходе переговоров, приведших к упомянутому выше соглашению о товарообороте между двумя странами от 5 октября 1939 года. В итоге соглашением предусматривалось получение Югославией до середины 1940 г. свыше 100 самолетов и нескольких сотен зенитных и противотанковых орудий с комплектами боеприпасов⁷. Если это вооружение и не могло сделать Югославию готовой серьезно противостоять военной силе Третьего рейха, все-таки оно, хотя бы до некоторой степени,

создавало возможность повышения югославской обороноспособности в отношении других соседей, в том числе балканских, от которых исходила бы опасность для страны.

В отличие от вынужденной связи с Германией, отношение принца-регента и ряда ключевых фигур правительства, включая премьера Драгишу Цветковича и вице-премьера Владко Мачека, к англо-французской коалиции было иным. Именно ей они симпатизировали в начавшейся войне. И свои расчеты на послевоенное будущее Югославии, на ее безопасность связывали с тем, что победу в конечном счете одержат Великобритания и Франция при поддержке США. Между высшим югославским руководством, в частности самим Павлом, с одной стороны, и правительствами в Лондоне и Париже — с другой, поддерживались доверительные контакты, в ходе которых обсуждались насущные проблемы сдерживания германской угрозы Балканам и непосредственно Югославии. В том числе рассматривались, особенно интенсивно в первые месяцы войны, разного рода замыслы политических и даже военных шагов, которые могли бы противодействовать гитлеровскому давлению на страны Юго-Восточной Европы, а тем более прямой агрессии, если бы Германия ее там начала.

В качестве самого серьезного такого шага внимание сосредоточилось на замысле высадки на юге Балкан более или менее значительной военной группировки западных союзников. Подобный план стал обсуждаться Парижем и Лондоном еще в самый канун войны. Имелось в виду, в случае если война начнется, высадить войска в Салониках, повторив успешный опыт, опробованный Антантой в Первой мировой войне. В условиях, когда 1 сентября 1939 г. в Европе опять занялась пламя войны, обсуждениям, начатым перед тем, придавался новый сильный импульс. Естественно, в них кроме Франции и Великобритании, которым принадлежала основная роль, определенное участие принимала Греция, будучи страной, где намечалась высадка. К этим же обсуждениям оказалась еще с предвоенных месяцев причастна и Югославия. Более того, по некоторым данным, приводимым в историографии, она в первые дни войны проявила чуть ли не самую горячую заинтересованность в том, чтобы как можно скорее был реализован замысел салоницкой операции. Эту позицию выразил сам Павел Карагеоргиевич в контактах с французской стороной, чьи силы, как предполагалось, должны были составить основную часть группировки, которая бы высадилась в Салониках. Причем, согласно тем же данным, принц-регент, обращаясь к Парижу, подчеркивал, что проведение подобной операции является важнейшим условием того, чтобы предохранить весь регион Балкан от агрессии Германии и пока еще воздерживавшейся от вступления в войну Италии. А непосредственно Югославии такая операция позволит сохранять ней-

тралитет и одновременно иметь прямую связь с западными союзниками, с тем чтобы, когда позволит обстановка, присоединиться к ним⁸.

Правда, сведения о югославо-французских контактах по поводу предполагаемой операции в Салониках, и в частности об обращении Павла к Парижу, обычно фигурирующие в историографии, очень скупы. Их источником стали, как правило, не архивные документы непосредственно одной или другой стороны, а куда менее надежные мемуарные свидетельства, преимущественно некоторых французских дипломатов и военных, и отдельные косвенные данные дипломатии третьих стран. Из них не совсем ясно, насколько Павел действительно пытался добиться проведения салоницкой операции, а насколько лишь обсуждал этот замысел как один из предположительных вариантов в тех лихорадочных поисках средств как-то обезопасить Югославию, которые были особенно характерны перед лицом грозной неизвестности первых дней войны⁹.

Но каким бы образом ни обстояло дело в действительности, Павел Карагеоргиевич если и рассчитывал в начале сентября на скорое осуществление упомянутой военной операции, вслед за этим получил от французов известия, что она не сможет быть воплощена в жизнь в близком будущем. Причина была в том, что с первых же дней войны этот замысел натолкнулся на два серьезных препятствия. Одно заключалось в нехватке у западных союзников того числа сухопутных войск, в основном французских, которое было необходимо, чтобы сформировать достаточно сильную группировку для высадки в Салониках. Другим препятствием стали опасения отчасти во французских, а особенно в британских верхах, как бы высадка, означавшая непосредственное военное вступление западных союзников в борьбу за Балканы, не привела к тому, что фашистская Италия, претендовавшая на балканский регион как на собственную сферу интересов, сочтет салоницкую операцию угрозой своим целям, а потому прекратит участие в войне и выступит вместе с Германией против Великобритании и Франции. Из-за подобных опасений британское правительство, считавшее, что в реально складывавшейся ситуации удержание Италии от вступления в войну на стороне Германии имеет приоритетное значение, вовсе решило на рубеже первой и второй недель сентября 1939 г. блокировать остававшиеся более сильными у французов желания реализовать планы операции в Салониках. Поскольку, однако, в Париже не оставляли попыток реанимировать замысел высадки на Балканах, в конце 1939 — первые месяцы 1940 г. периодически продолжались контакты французских и югославских военных представителей для обсуждения взаимосвязи на случай предполагаемых действий¹⁰. Но сам Павел в беседе с британским посланником в Белграде 31 декабря 1939 г. сделал вывод, что позиция Лондона более разумна, ибо из-за ограниченной численно-

сти войск, которые могла бы выделить для высадки Франция, их будет все равно меньше, чем сил, которые в состоянии противопоставить Германия в случае открытия салоникинского фронта. При этом принц-регент выразил особую озабоченность тем, что о французских планах балканских действий много говорится в печати, ввиду чего Германия сможет заранее принять необходимые контрмеры¹¹. Позже, в мае 1940 г., британцы настояли на окончательном отказе Парижа от балканских замыслов¹². А в июне в результате немецкого наступления на западном фронте Франция вообще потерпела поражение.

Наряду с так и неосуществленной идеей высадки в Салониках, другим крупным замыслом противодействия германской и вообще военной угрозе на Балканах, который рассматривался в первые месяцы войны, в том числе с участием Югославии, являлась идея создания балканского нейтрального блока. Имелось в виду, что в блок войдут сохранявшие государственную самостоятельность Балканские страны (Югославия, Румыния, Болгария, Греция и — частично балканская — Турция), а возможно и примыкавшая к Балканам Венгрия, каждая из которых в течение первой половины сентября 1939 г. уже заявила о своем нейтралитете или неучастии в войне. В течение осени 1939 г., начиная с сентября, с разных сторон — Италией, Великобританией, Румынией, Югославией — выдвигались несколько такого рода планов, частично переплетавшихся между собой, а частично различавшихся по конкретной направленности.

Для режима Муссолини, занявшего позицию неучастия в войне, было заманчивым образовать нейтральный блок под своим главенством как инструмент усиления роли Италии на Балканах. Хотя такой вариант блока был бы направлен, помимо прочего, и против влияния западных союзников в этом регионе, однако Лондон проявил готовность поддержать подобный вариант, ибо британское правительство посчитало тогда более важными два соображения. Одно — необходимость поощрить Италию, чтобы та продолжала воздерживаться от вступления в войну на стороне Германии, а в перспективе, быть может, и присоединилась бы к западным державам. А другое соображение заключалось в том, что ввиду заинтересованности Рима в собственном преобладании на Балканах блок под итальянским главенством окажется, явно или скрытно, противовесом влиянию там не только англо-французской коалиции, но и Германии, а также возможному советскому давлению на Балканские страны, в частности на граничившую с СССР Румынию. Такое фактическое противодействие Берлину и Москве в отношении Балкан совпадало с основными целями, которые в данный момент преследовались в регионе Великобританией. Франция в принципе разделяла эту позицию, хотя и проявляла заметные колебания, опасаясь любого усиления соседней с нею Италии. Соображениями, отчасти напомиравшими британские, была обуслов-

лена и позиция Румынии, которая наиболее активно из Балканских государств выступала за создание блока нейтралов и тоже проявила в итоге, к концу октября 1939 г., готовность к варианту с ведущей итальянской ролью в блоке. К Италии, не граничившей с Румынией, в Бухаресте не относились как к источнику опасности, а наоборот, считали державой, склонной в своих интересах предохранить Балканы от тех же угроз, которые с началом войны особенно тревожили румынское руководство: в первые недели оно было крайне обеспокоено опасностью со стороны Германии, а затем еще больше — со стороны СССР, имевшего территориальные претензии по поводу Бессарабии¹³.

Белград также проявлял, наряду с Бухарестом и во многом вместе с ним, значительную активность с целью создания нейтрального блока на Балканах. И, в свою очередь, надеялся, что блок будет способствовать невовлеченности Балканских стран в войну, станет фактором противодействия давлению или агрессии, которые бы угрожали Балканам. Но высшее югославское руководство, тоже считая источником опасности Германию и Советский Союз, усматривало не меньшую, а даже еще большую угрозу в экспансионистских устремлениях Италии в отношении граничившей с ней Югославии. Сообщая об этом в Лондон в первые же полторы недели войны, британский посланник в Белграде указывал, что в югославских «высших кругах», под которыми он подразумевал Павла Карагеоргиевича, и в генеральном штабе британским дипломатам высказывалось даже мнение о «непоправимой ошибке» западных союзников: тем следовало самим вызвать вступление режима Муссолини в войну и нанести ему поражение. Страх по поводу Италии был тем большим, что она могла угрожать Югославии не только со своей территории, но и с тыла — из Албании, находившейся под итальянской оккупацией¹⁴. В последующие месяцы опасения принца-регента в отношении итальянской угрозы лишь укреплялись. И когда на рубеже октября–ноября 1939 г. румынское руководство, активно обсуждавшее с югославской стороной совместные шаги с целью образования балканского блока нейтралов, склонилось к тому, что в сложившейся международной ситуации блок скорее можно создать и сделать его эффективным, если он будет под главенством Италии, Павел скептически отнесся к такой возможности. Обсуждая этот вопрос в своих контактах с британцами, он не скрывал, что его сдержанность по поводу подобного румынского предложения вызвана опасением, как бы участие Италии в блоке не привело к ее чрезмерно доминирующему положению на Балканах¹⁵.

Для позиции Белграда в отношении создания нейтрального блока был характерен особый упор на то, что образование блока должно быть прежде всего неотделимо от урегулирования противоречий, в основном территориальных, между его балканскими

участниками. Тем самым державы, рассматривавшиеся как источник наибольшей опасности для Балкан, т. е. Германия, Италия или СССР, не могли бы воспользоваться межбалканскими территориальными спорами для вовлечения, каждая в собственную орбиту, государств региона путем своей поддержки одним из них, оказания давления на других либо вмешательства в роли «арбитра», от которого попадают в зависимость все участники спора. А для самой Югославии ликвидация или хотя бы заметное смягчение территориальных противоречий между странами проектируемого блока были важны еще и ввиду существовавших территориальных претензий к ней у Болгарии и Венгрии, заинтересованных в ревизии версальских границ. Особую важность югославское руководство придавало позиции Болгарии. Оно опасалось как серьезной тенденции сближения этой страны с Третьим рейхом, так и настойчивых советских усилий вовлечь ее в орбиту Москвы¹⁶. И соответственно считало, что основой нейтрального блока должна стать Балканская Антанта (Югославия, Румыния, Греция, Турция), расширенная прежде всего за счет Болгарии. Была даже выдвинута идея, что во имя такой цели членам Балканской Антанты следует самим сделать определенные территориальные уступки Болгарии. Идея нашла, в частности, отражение на состоявшихся 19 сентября 1939 г. переговорах министров иностранных дел Югославии и Румынии. В историографии высказывалось мнение об обусловленности подобной позиции Белграда тем, что в этот момент главные территориальные требования Софии были направлены не столько в югославскую сторону, сколько в сторону Румынии (Южная Добруджа) и Греции (Фракия и выход к Эгейскому морю), которые в случае реализации данной идеи и должны были сделать главные уступки в пользу Болгарии¹⁷.

Но ни из этого, ни из других планов создания балканского нейтрального блока ничего не вышло. Одной из причин была позиция Берлина. Хотя поначалу там было мнение, что подобный блок обеспечит стабильность на Балканах для получения оттуда Германией нужного ей сырья и продовольствия, но затем возобладало подозрение, что он, наоборот, может быть использован англо-французской коалицией и способствовать сближению между нею и Италией. А потому нацистское руководство воздействовало на Рим, в результате чего Муссолини отказался от участия в комбинациях с созданием блока. Германская позиция повлияла и на ряд Балканских стран, предпочитавших не противопоставлять себя открыто Третьему рейху. Другой причиной, воспрепятствовавшей образованию блока нейтралов, явилась непреодолимость территориальных противоречий государств Балканской Антанты с Болгарией и Венгрией как предполагавшимися участниками блока. Наконец, его возникновению препятствовали и опасения тех же Болгарии и Венгрии, что нейтральный характер блока мог оказаться под вопросом, поскольку став-

шая бы его членом Турция хотя и сохраняла позицию неучастия в войне, однако заключила 19 октября 1939 г. давно подготовленный трехсторонний пакт о взаимопомощи с Великобританией и Францией¹⁸.

Последнее обстоятельство вызвало некоторые сомнения даже внутри самой Балканской Антанты относительно ее дальнейшей перспективы. Тем не менее на очередной сессии ее Постоянного совета, состоявшейся в Белграде 2–4 февраля 1940 г., было продлено еще на 7 лет действие договора 1934 г., учредившего Балканскую Антанту. Более того, на сессии была достигнута секретная договоренность, хотя и устная, о взаимном обязательстве стран-членов принимать совместные меры по защите своих границ с небалканскими государствами в случае агрессии со стороны какого-либо из этих государств. Реально имелось в виду возможное, по мнению членов Балканской Антанты, возникновение угрозы со стороны Германии, Италии и СССР¹⁹.

Однако почти сразу после сессии в политике некоторых стран-участниц, среди них и Югославии, появились симптомы склонности к тому, чтобы дать задний ход ввиду опасения оказаться в результате принятых обязательств втянутыми в прямое, а тем более военное противостояние с Берлином, Римом или Москвой. В частности, югославская сторона стала проявлять тенденцию уклониться от участия в организации и проведении намеченных белградской договоренностью периодических совещаний в Афинах военных представителей стран Балканской Антанты для рассмотрения вопросов совместной обороны от агрессии небалканских государств. Эта тенденция стала особенно очевидной в обстановке, когда в апреле 1940 г. Германия развернула активное наступление на севере и затем с мая на западе Европы, а одновременно появились признаки военных приготовлений Италии, направленных против Югославии. Белград ссылаясь в апреле лишь на желательность отложить проведение военных совещаний в Афинах на более поздний срок по тактическим причинам. Например, говорилось о необходимости подождать, чтобы не мешать осуществлению рассчитанных на предстоявшие полгода крупных германских поставок военных материалов в Югославию. Но фактически совещания военных представителей стран Балканской Антанты были тем самым заблокированы югославской стороной и в итоге вообще так и не начаты²⁰.

Югославское руководство чрезвычайно боялось сделать опрометчивый шаг, который бы мог резко ухудшить внешнеполитическое положение страны. Тем более что в условиях, когда вялотекущая «странная война» на западном фронте сменилась мощными германскими ударами, Белград пугала вероятность того, что Муссолини воспользуется этим для нападения на Югославию. Как уже упоминалось выше, с самого начала войны Павел считал Италию источником главной опасности. И для этого были немалые основания.

На протяжении первых военных месяцев Рим неизменно рассматривал планы агрессии против Югославии с целью овладения Хорватией. Он снабжал усташей деньгами для организации там беспорядков, с прицелом на то, чтобы в Хорватии было поднято восстание, захвачен Загреб, а усташский предводитель Анте Павелич, явившись туда, обратился бы к Италии за помощью и тем самым создал предлог для итальянской военной интервенции. В результате было бы образовано марионеточное королевство Хорватия, корону которого вручили бы королю Италии. Только неготовность итальянской армии и опасения относительно реакции со стороны англо-французской коалиции на такой шаг, особенно в ситуации, когда и Германия могла быть против нападения на Югославию ввиду заинтересованности в стабильных поставках оттуда сырья и продовольствия, удерживали режим Муссолини от непосредственной реализации этих планов²¹. Однако к концу марта 1940 г., а особенно с апреля, когда начались успешные наступательные действия немецких войск в Скандинавии, затем получившие продолжение на западном фронте, у Муссолини проявляются растущие опасения не упустить момент для вступления в войну на стороне Германии, победа которой стала представляться ему все более несомненной. В итоге в первой половине мая он склонился к решению резко приблизить сроки вступления в войну²². Но еще к середине апреля в прессе и дипломатических кругах стали муссироваться сообщения о возможной итальянской военной операции в Далмации. Эта возможность всерьез рассматривалась и западными союзниками. А в Югославии она оказалась в центре внимания как правивших верхов, так и широкой общественности²³.

На самом деле с первой половины апреля до первой половины мая Муссолини колебался по поводу как сроков вступления в войну, так и непосредственного направления военных действий — то ли атаковать Югославию, то ли западных союзников. В конечном счете к середине мая, решив, что Италия станет воюющей в течение примерно месяца, он определил и конкретного противника — англо-французскую коалицию. Югославию дуче пока решил не трогать. В Риме полагали, что после победы вместе с Германией над западными союзниками удастся получить и то, чего итальянский фашистский режим хотел от Югославии²⁴. Но с югославской стороны, несмотря на итальянские заявления об отсутствии намерений напасть, серьезно боялись, особенно в апреле–мае, что нападение может последовать в самое ближайшее время. Министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано в конце мая отметил в своем дневнике, что в югославского посланника в Риме вселился ужас, и когда Чиано пригласил его для сообщения, что нападения не будет, тот, будучи вызван неожиданно, явился «бледный, как привидение»²⁵. В этой ситуации в Белграде не знали, на что решиться. Так, 17 мая

югославское правительство обратилось к своим союзникам по Балканской Антанте, в частности к правительствам Греции и Турции, с запросом об их позиции в случае, если Югославия подвергнется нападению Италии или Германии. Те ответили, что готовы рассматривать вопрос об оказании помощи, но только на основе взаимности, и указали на необходимость начать с выполнения февральской договоренности о военных совещаниях, созыв которых блокировался как раз Белградом. На это день спустя югославская сторона заявила об отзыве своего запроса и о предложении считать, что ни его, ни ответа не было²⁶.

В страхе, как бы не вызвать опасные для Югославии действия со стороны Италии, не говоря уж о Германии, Павел Карагеоргиевич вместе с тем пытался расширить поле для внешнеполитического лавирования, использовать на международной арене дополнительные факторы, с помощью которых было бы возможным хоть в какой-то мере усилить югославские позиции. В поисках таких факторов его внимание все больше привлекал СССР, который после вступления в результате советско-германских договоров августа–сентября 1939 г. в своеобразный альянс с Третьим рейхом проявлял растущую активность на европейской сцене, в том числе особенно стал претендовать на роль нового полюса притяжения для Балканских стран, прежде всего для славянских Болгарии и Югославии.

Для Белграда вопрос об изменении отношения к СССР был более чем непростым не только из-за резкой социальной враждебности большевистскому режиму, но еще и ввиду специфического его неприятия (и потому почти самого долгого в тогдашней Европе непризнания), вызывавшегося особенно тесными узами Карагеоргиевичей со свергнутым российским Императорским домом. Еще осенью 1939 г. дипломатическим представителям обеих воюющих сторон высказывались югославскими верхами и самим Павлом опасения по поводу возможного распространения советского влияния на Балканах, а то и советской экспансии в регионе. Причем об этом говорилось как о чрезвычайно важной угрозе²⁷. Но суровые условия крайне трудного и опасного международного положения Югославии вынуждали руководство страны к тому, чтобы уже вскоре серьезно обдумывать проблему установления отношений с СССР. Вместе с тем в начале января 1940 г. от югославского посла в Анкаре поступило в Белград донесение о высказываниях советского полпреда в Турции, в которых давалось понять, что СССР, в свою очередь, отнесся бы положительно к установлению советско-югославских отношений. Результатом были последовавшие в конце марта через тот же контакт между дипломатическими представителями Югославии и СССР в Анкаре предложение югославского правительства послать в Москву свою официальную делегацию для установления экономических отношений и ответ советского правительства о согласии на это²⁸.

Официально информируя 17–18 апреля правительства Италии, обеих воюющих сторон (как Великобритании и Франции, так и Германии) и своих союзников по Балканской Антанте о предстоящих переговорах в Москве, югославское правительство подчеркивало, что его инициатива вызвана исключительно экономическими соображениями: необходимостью обеспечить потребности Югославии в нефти, хлопке, черных металлах, которые ей в конкретных условиях ведущейся войны удобнее и выгоднее всего приобретать в Советском Союзе²⁹. Однако в доверительной беседе с британским посланником Павел сказал, что главной целью вступления в переговоры с СССР было вызвать тем самым чувство неуверенности у руководства Италии и держать последнее в неизвестности³⁰. Принц-регент, очевидно, имел в виду, что режим Муссолини, в котором югославская сторона усматривала в тот момент источник наибольшей угрозы, может заподозрить возможность советского покровительства Белграду, а это способно оказать сдерживающее воздействие на итальянскую политику в отношении Югославии. Тем более что Рим, отрицательно относившийся к договоренностям Берлина с Москвой 1939 г. и в данной связи даже гадавший, нет ли какого-то закулисного германо-советского сговора о Балканах, мог опасаться, что начавшийся советско-югославский контакт связан с подобным сговором. Вместе с тем Павел не исключал, что в случае успеха экономических переговоров дело придет и к установлению дипломатических отношений между Югославией и СССР³¹.

Переговоры в Москве, состоявшиеся в конце апреля — начале мая 1940 г., завершились подписанием 11 мая советско-югославского договора о торговле и мореплавании³². Это расширяло для Югославии перспективы приобретения возможности большего внешнеэкономического маневра, что имело значение ввиду все усиливавшегося германского экономического диктата. Переговоры были значимы и в том смысле, что югославская делегация прозондировала вопрос о приобретении у СССР вооружения и получила ответ о возможности этого³³. Наконец, принимая 8 мая делегацию, председатель Совнаркома В. М. Молотов весьма прозрачно высказал советскую позицию в поддержку необходимости противостояния грозящим Югославии опасностям со стороны Германии и Италии. И подчеркнул в этой связи важность усиления югославской обороноспособности³⁴.

Глядя на произошедшее как на новый фактор, обещающий способствовать расширению пространства для внешнеполитического лавирования, югославское руководство, продолжавшее опасаться агрессивных действий со стороны Италии и крайне встревоженное ставшим вырисовываться с мая и превратившимся в очевидность в июне поражением Франции, решило в начале июня срочно установить и дипломатические отношения с СССР. 9 июня 1940 г. Белград дал инструкции своему послу в Тур-

ции передать через советского полпреда в Анкаре соответствующее предложение правительству СССР, а 20 июня через ту же цепочку пришел из Москвы ответ, что югославское предложение принимается. 24 июня путем обмена соответствующими официальными письмами сторон было оформлено установление советско-югославских дипломатических отношений на уровне посланников³⁵.

***

Военный разгром Франции, закрепленный 22 июня 1940 г. Компьенским перемирием, означавшим ее фактическую капитуляцию перед нацистской Германией, в огромной мере изменил международное положение в Европе. Ставший победителем Третий рейх вместе с присоединившейся к нему под занавес, в начале июня, фашистской Италией резко усилили свои позиции на континенте. В частности теперь, после гитлеровских побед на севере и западе Европы, у держав «оси», прежде всего у Германии, были развязаны руки для более решительных действий, направленных на установление ими контроля над странами балкано-дунайского региона. Что касается Югославии, то, например, 15 июня, когда поражение Франции стало уже очевидным, из германского МИД инструктировали своего посланника в Белграде ясно указать тамошнему правительству, что в сложившихся новых условиях оно должно целиком отдавать себе отчет в полной экономической зависимости своей страны от держав «оси»³⁶. А одним из результатов германо-югославских экономических переговоров, состоявшихся в Берлине во второй половине июля, явилось принятое под германским давлением фактическое обязательство Югославии прекратить экспорт в страны, находившиеся в состоянии войны с Третьим рейхом (последнее подразумевало Великобританию)³⁷.

Вместе с тем в обстановке, вызванной разгромом Франции, политику в отношении балканских стран резко активизировала Москва, начавшая с того, что еще в конце июня 1940 г. поспешила реализовать свою договоренность с Берлином о германской поддержке претензий СССР на Бессарабию и путем ультимативного нажима на Румынию вынудила Бухарест передать Советскому Союзу как Бессарабию, так также и Северную Буковину вместе с расположенным между ними районом на севере румынской Молдовы. Этим прецедентом изменения территориального статус-кво, существовавшего в период между двумя мировыми войнами, немедленно воспользовались Будапешт и София, тоже предъявившие Румынии территориальные претензии: венгерская сторона — на Трансильванию, болгарская — на Южную Добруджу. Причем как Будапешт и София, так и ставший адресатом их требований Бухарест обратились за помощью к Германии, поскольку в каждой из трех названных столиц в тот момент считали нацистский рейх наиболее мощной державой, к покровительству которой

есть смысл апеллировать. Гитлер энергично проэксплуатировал данную ситуацию. Германия выступила в роли центра, регулировавшего спорные территориальные проблемы: вместе с ассистировавшей ей Италией она продиктовала 30 августа 1940 г. решение так называемого второго Венского арбитража, передавшее Северную Трансильванию Венгрии, и почти одновременно было согласовано решение передать Южную Добруджу Болгарии. Вместе с тем Германия и Италия декларировали, что отныне принимают на себя гарантию целостности и неприкосновенности территории, остающейся у Румынии. Последнее было направлено не только против еще каких-нибудь претензий к этой стране, которые были бы дополнительно выдвинуты со стороны ее соседей по балкано-дунайскому региону, но фактически, прежде всего против возможности дальнейших советских притязаний и попыток воздействия на Бухарест³⁸.

В условиях начатого таким образом территориального передела на Балканах югославское руководство продолжило с еще большей осторожностью политику внешнеполитического лавирования. Этой линии оно придерживалось уже в ходе территориального кризиса вокруг Румынии. Так, в связи с советскими территориальными требованиями, предъявленными Бухаресту, Югославия на румынский запрос о ее позиции как союзницы Румынии по Балканской Антанте посоветовала мирное решение конфликта, т. е. фактически уступку Москве. А в случаях с венгерскими претензиями на Трансильванию и болгарскими — на Южную Добруджу Белград даже пытался выступать в качестве посредника между сторонами в этих конфликтах, но в итоге его роль не была значимой, так как главные решения были приняты Гитлером, вместе с которым выступал Муссолини³⁹.

Как поражение Франции, так и последовавший вслед за тем исход румынского территориального кризиса означали для Югославии весьма существенное изменение ее международного положения. В результате французской капитуляции Белград лишился столь важного для него внешнеполитического фактора, какой представляла собой англо-французская коалиция. Эту потерю не могла компенсировать оставшаяся в одиночестве Великобритания, влияние и возможности которой на Балканах после разгрома Франции резко упали. А исход румынского кризиса повернул либо усилил в более опасную для Югославии сторону направленность внешней политики сразу трех соседних с ней стран — Венгрии, Болгарии и Румынии. В результате передачи Северной Трансильвании в руки Венгрии, а Южной Добруджи — в руки Болгарии Берлин приобрел значительно большее влияние на Будапешт, еще до того довольно тесно связанный с «осью», и серьезно усилил свое воздействие на Софию, отчасти уже ориентированную на такую связь, а отчасти пытавшуюся лавировать на полунейтралистских позициях. Вместе с тем, предоставив Румынии, уже подвергнутой

обрезаниям, гарантию неприкосновенности оставшейся территории, Гитлер основательно привязал к себе Бухарест, который прежде был в большей мере настроен прозападно, являлся членом Балканской Антанты (и ближайшим балканским союзником Белграда), но теперь вообще отказался от данных ему перед войной англо-французских гарантий, оставшихся после поражения Франции лишь британскими, и поставил себя под покровительство Третьего рейха. Вследствие этого Югославия оказалась почти сплошь, за исключением Греции, в окружении либо самих держав «оси» (Германия, Италия и захваченная Италией Албания), либо государств, связанных с «осью» или все сильнее ориентировавшихся на нее (Венгрия, Румыния, Болгария).

Возникшее положение продолжало затем усугубляться. После того как 27 сентября 1940 г. получила оформление дальнейшая консолидация «оси» в виде образования военно-политического Тройственного пакта Германии, Италии и Японии, к нему присоединились 20 ноября Венгрия, а 23 ноября — Румыния, в которой еще с октября началось размещение германских войск. А в середине октября последовало германское предложение руководству Болгарии о ее присоединении к пакту. Для Югославии опасность такой ситуации состояла не только в окружении «осью» и угрозе полной изоляции от остального мира. Дело было еще и в том, что хотя начавшийся территориальный передел на Балканах пока не затрагивал югославских границ, однако была вполне ожидаема перспектива следующего раунда территориальных требований, на сей раз обращенных уже к Белграду, со стороны все тех же Софии и Будапешта, поощренных приобретениями, которые им удалось получить под покровительством Берлина в первом, румынском, раунде. И в условиях, когда Венгрия и Болгария становились во все большей мере связанными с «осью» и зависимыми от нее, та могла использовать их претензии как эффективный инструмент давления на Югославию, а в случае несговорчивости последней — вообще наказать ее значительными территориальными изъятиями.

На протяжении второй половины 1940 г. Белград и его дипломатические представители внимательно следили за любыми явными или прикрытыми проявлениями настроений в пользу ревизии югославских границ, имевшими место в Венгрии и Болгарии. Эти проявления, особенно заметные в Болгарии по поводу югославской (Вардарской) Македонии, вызывали беспокойство с югославской стороны, несмотря на постоянные заверения официальных болгарских представителей в дружественно-лояльной политике Софии по отношению к Югославии⁴⁰. Беспокойство существенно возросло в ноябре 1940 г., во-первых, ввиду сведений о нажиме Гитлера на руководство Болгарии с целью добиться ее присоединения к Тройственному пакту, а во-вторых, под воздействием распространявшихся немецкой агентурой слухов,

будто в связи с состоявшимся тогда визитом Молотова в Берлин Кремль согласился на ведущую роль Германии на Балканах. Встревоженный Белград пытался выяснить у советских представителей, действительно ли СССР согласен с преобладанием Третьего рейха в балканском регионе. И даже просил Москву помочь в выяснении подлинной позиции Болгарии по поводу югославской Македонии⁴¹. Последнее было, очевидно, вызвано югославской надеждой на то, что уже само проявление со стороны СССР перед болгарями заинтересованности в этом вопросе может оказать сдерживающее влияние на Софию. Впрочем, буквально вслед за тем, на рубеже ноября–декабря 1940 г., в югославских верхах возникло серьезное беспокойство в связи с просочившимися в мировую печать сведениями о сделанных Софией Москвой в конце ноября предложениях о заключении советско-болгарского договора о взаимопомощи. Призванное включить Болгарию в сферу влияния и контроля СССР, предложение сопровождалось обещанием советской поддержки болгарских интересов, в том числе территориальных претензий к соседним странам. В Белграде это вызвало опасение возможной поддержки Советским Союзом болгарских устремлений в отношении югославской Македонии. И посланник Югославии в Москве Милан Гаврилович осторожно пытался предостеречь советскую сторону, по его выражению, от «ошибок» в отношениях с Болгарией⁴². Он, как и инструктировавшее его руководство в Белграде, еще не знали, что к тому времени болгарское правительство, консультировавшееся с Берлином, уже отвергло предложение СССР⁴³. И тем самым вопрос, волновавший югославскую сторону, отпадал сам собой.

Что касалось Венгрии, то в югославских верхах еще с поздней весны 1940 г. стали предприниматься усилия, призванные урегулировать отношения с ней. И потому в Белграде сразу же положительно откликнулись на последовавшее в конце ноября предложение Будапешта заключить договор о дружбе между двумя странами. Венгерская инициатива была следствием сложного переплетения разных факторов. Как в тогдашних оценках дипломатических наблюдателей, так и впоследствии в историографии высказывалось мнение, что эта инициатива отчасти стимулировалась с немецкой стороны как один из способов усиления связи Югославии с Тройственным пактом, а отчасти вызывалась стремлением некоторых сил в венгерских верхах путем сближения с Белградом несколько усилить положение Венгрии в отношениях с Румынией и, возможно, даже с Германией. С югославской же стороны были заинтересованы смягчить венгерскую позицию в вопросе о территориальных претензиях к Югославии и к тому же представить договор перед Гитлером как свидетельство своей крепнущей связи с государствами Тройственного пакта. В итоге югославо-венгерский договор о «вечной дружбе» был подписан 12 декабря 1940 года⁴⁴.

В наибольшей мере продолжала страшить югославское руководство угроза захватнических устремлений фашистской Италии. Страх был небезоснователен, ибо после поражения Франции Муссолини по-прежнему вынашивал планы нападения на Югославию и ее расчленения. Был даже замысел атаковать ее во второй половине сентября 1940 года⁴⁵. Для Павла Карагеоргиевича, управлявшего югославской внешней политикой, драматизм этой угрозы усиливался тем, что, как он считал, Югославия, в случае если бы она подверглась нападению, была бы способна сопротивляться в течение не больше двух недель и, потеряв пару миллионов человек, была бы раздавлена⁴⁶. В качестве фактора, который мог бы действительно воспрепятствовать агрессивным намерениям Рима, Белград всячески старался использовать стремление Берлина к сохранению стабильности в Юго-Восточной Европе, в частности в Югославии, как тыловой зоне сырьевого и продовольственного снабжения Германии. В этом духе руководящие югославские деятели подчеркнуто апеллировали к германской стороне⁴⁷. И, соответственно, должны были идти на то, чтобы, насколько возможно, удовлетворять непрерывно возрастающие требования гитлеровской Германии по поводу поставок из Югославии, хотя это и вызывало весьма критическую оценку британцев⁴⁸. Подобная югославская тактика оказывалась довольно результативной, поскольку отвечала интересам Берлина. Уже в середине августа 1940 г. нацистское руководство поставило перед своим итальянским союзником вопрос о необходимости отказа от какого-либо плана нападения на Югославию. И всего через несколько дней Муссолини, планируя дальнейшие военные действия, которые были бы предприняты Италией, отложил на неопределенный срок акцию, направленную против Югославии (а также Греции)⁴⁹. Та же позиция Третьего рейха была в более дипломатичной форме подтверждена месяц спустя, 19 сентября, на встрече министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с Муссолини. А последний вновь вынужден был подтвердить в ответ, что в данный момент Италия не будет начинать войну с Югославией и Грецией⁵⁰.

Правда, что касалось Греции, то уже 28 октября произошло вторжение туда итальянских войск из Албании. Итало-греческая война, начатая Римом без одобрения Берлина, на собственный страх и риск, породила новую крайне серьезную тревогу в Белграде. Помимо общей перспективы того, что после Греции следующей на очереди оказывалась бы сама Югославия, главная непосредственная причина тревоги вызывалась ситуацией, при которой в случае захвата Греции фашистской Италией завершалось бы полностью окружение югославской территории странами «оси» в купе со все более ориентировавшейся на «ось» Болгарией. «Что мы можем сделать? Мы полностью окружены!» — такова была реакция начальника югославского генштаба генерала Петра Косича, беседо-

вавшего 28 октября с британским военным атташе сразу после получения сообщения об итальянском вторжении в Грецию⁵¹. В частности, захват Греции означал лишение Югославии выхода в не контролируемое державами «оси» Эгейское море (в отличие от контролировавшейся в значительной мере Италией Адриатики) через югославскую свободную зону в Салониках, которая была предоставлена Грецией на 50 лет в соответствии с югославо-греческой конвенцией 1923 года. Отдаленная от греко-югославской границы меньше чем на сотню километров, эта зона была связана с Югославией прямой железнодорожной линией и имела очень большое как экономическое, так и стратегическое значение.

Поскольку югославское руководство опасалось быстрого успешного продвижения итальянских войск, вторгшихся в Грецию, вопрос о Салониках был срочно обсужден на секретно созванном 28 октября, через несколько часов после начала итало-греческой войны, совещании Коронного совета. Павел и премьер Драгиша Цветкович заявили там о необходимости воспрепятствовать занятию Салоник итальянцами. Имелось в виду даже пойти на риск, предприняв операцию югославских войск для захвата Салоник до подхода туда итальянских сил. Но большинство участников совещания — министр иностранных дел Александр Цинцар-Маркович, министр армии и флота генерал Милан Недич и министр двора Милан Антич — высказались за более осторожную позицию: выждать дальнейшего развития событий, а прежде всего выяснить позицию Берлина и, если нужно, попытаться заручиться его согласием на то, чтобы Югославия заняла Салоники. Хотя Павел, вопреки своей обычной осторожности, даже выразил негодование по поводу такой, как он сказал, трусливой позиции, она в итоге совещаний, продолжившихся в следующие несколько дней, возоблада⁵².

Если в сообщении официального югославского пресс-бюро 28 октября говорилось, что Югославия готова посредничать между Италией и Грецией, то в заявлении югославского правительства в связи с итало-греческой войной, опубликованном 2 ноября, центральное место занимал усиленно подчеркивавшийся тезис, что югославская политика нейтралитета целиком совмещается с дружественными отношениями, связывающими Югославию с Германией и Италией, а по поводу самой войны дело ограничивалось лишь выражением «сожаления» и указанием на «надежду», что югославские интересы «не подвергнутся угрозе ни с какой стороны»⁵³.

За кулисами этого на рубеже октября–ноября по различным каналам последовали югославские обращения к Германии с объяснениями того, что Югославия никак не может допустить, чтобы Салоники оказались в руках Италии, а в крайнем случае была бы готова противодействовать этому военным путем. Югославские зондажи немецкой позиции сопровождались даже некоторыми неофициальными

намекami, что в случае поражения Греции Белград мог бы за передачу ему Салоник заплатить серьезную политическую цену вплоть до некоторых территориальных уступок в пользу Италии, демилитаризации югославского адриатического побережья и более того — эвентуального перехода от нейтралитета к вступлению в антибританский лагерь⁵⁴.

Одновременно были, тем не менее, отданы приказы о скрытой мобилизации и концентрации части югославской армии, особенно на юго-востоке, в направлении Греции⁵⁵. Наряду с этим Павел и Цветкович заверили греческое правительство, что если Рим захочет направить итальянские войска в Грецию через югославскую территорию, Югославия воспротивится. На британский запрос о том, как отреагирует Белград, если аналогичное желание выскажет Берлин по поводу пропуска немецких войск, Павел, чуть замешкавшись, ответил, что югославская позиция будет такой же, как в итальянском случае⁵⁶. А на случай возможного болгарского нападения на Грецию югославская сторона указывала, что греко-югославские договорные обязательства о взаимной помощи касаются лишь ситуации, когда Болгария выступит в одиночку, но не будут иметь силы, если София предпримет действия совместно с Германией⁵⁷.

В такой весьма осложнившейся ситуации, порожденной нападением Италии на Грецию, среди некоторых фигур в югославских верхах проявились сомнения в самой возможности продолжения того внешнеполитического лавирования, которое проводилось до сих пор. Эти сомнения были изложены в докладной записке министра армии и флота генерала Недича от 1 ноября, адресованной принцу-регенту и правительству. В ней говорилось, что завершающееся окружение Югославии германо-итальянским блоком сделало невозможным дальнейшую политику нейтралитета. И необходимо сделать выбор: или решительно присоединиться к Германии и Италии, пока они еще заинтересованы в этом, или, наоборот, столь же решительно встать на сторону Великобритании. Во втором случае Недич предлагал мобилизовать всю югославскую армию и идти на помощь Греции. Но предостерегал, что это повлечет за собой нападение Германии, Италии, Венгрии, Румынии и Болгарии на Югославию, которая не в состоянии противостоять такой силе и будет ими захвачена и расчленена. Генерал упоминал и о возможности заключения союза с Москвой, но при этом характеризовал положение СССР и перспективу получения отсюда Югославией помощи столь негативно, что этим, в сущности, указывал, что какой-либо расчет на советскую помощь — не более чем иллюзия. Отсюда вытекал и фактический вывод, к которому подводило содержание докладной записки Недича: единственным выходом из положения является присоединение к «оси»⁵⁸.

Однако в последующие дни произошел никем не ожидавшийся поворот событий на итало-греческом фронте. Итальянские войска были отброшены

из Греции обратно в Албанию, и вошедшая туда греческая армия успешно повела военные действия против агрессора. Стало вырисовываться, что война, очевидно, принимает затяжной характер. В результате такого развития пошла на убыль острота, с которой вопрос о Салониках, как и вообще о последствиях итальянского вторжения в Грецию, стоял перед югославским руководством, когда война только началась⁵⁹.

Вместе с тем 5–6 ноября последовали бомбардировки итальянскими самолетами города Битоль (Битола), расположенного в югославской Македонии вблизи стыка границ Югославии, Греции и Албании. Это было расценено как фактическое предупреждение из Рима, чтобы Белград не вмешивался для противодействия целям режима Муссолини в отношении Греции. Ответные шаги югославского руководства шли по разным направлениям.

С одной стороны, оно приняло ряд организационных и технических мер, призванных способствовать повышению обороноспособности Югославии, особенно ее противовоздушной обороны. Наряду с этим генерал Недич был обвинен в невыполнении возложенных на него обязанностей по защите страны от внешней угрозы и отставлен со своего министерского поста⁶⁰. Правда, в историографии, а особенно в политической публицистике получили хождение и всякого рода версии об иных, чисто политических причинах отставки. Причины назывались разные: то недовольство Павла позицией Недича, выраженной в упомянутой выше докладной записке от 1 ноября 1940 г.; то получение Цветковичем данных, что генерал выдает немцам секретные внешнеполитические планы югославского руководства; то необходимость считаться с резко негативным отношением, которое Недич как министр вызвал к себе в Хорватии; то, наконец, опасения принца-регента ввиду близких связей Недича с предводителем праворадикальной организации «Збор» Димитрием Лётичем, резко выступавшим против политики властей, в том числе против проводимого внешнеполитического лавирования. А обвинение генерала в невыполнении им обязанностей по защите страны являлось, согласно этим версиям, лишь предлогом и никак не было связано с мерами по усилению обороноспособности Югославии⁶¹. Но какой бы ни была действительная причина отставки Недича, фактом является то, что сами распоряжения о подобных мерах реально последовали.

С другой стороны, Белград поспешил путем тайного контакта своего неофициального эмиссара с итальянским министром иностранных дел Чиано обратиться к правительству Италии, приглашая начать переговоры о взаимном сближении. В историографии известно об этом тайном контакте, имевшем место 11 ноября, в основном из свидетельств самих его участников с итальянской и югославской стороны. Оба свидетельства совпадают в том, что Мус-

солини в обстановке итальянских неудач в начатой войне с Грецией предпочел согласиться на переговоры, но содержат во многом противоречащие друг другу данные о том, какие именно предложения для предстоящих переговоров выдвигались Белградом и какие Римом⁶².

Однако какими бы они в действительности ни были, эти предложения не приобрели столь существенного значения, поскольку неделю спустя в дело решительно вмешался Гитлер. На встрече с Чиано 18-го, а затем на их повторной встрече 20 ноября и в письме, отправленном в тот же день в адрес Муссолини, фюрер, крайне критически отозвавшись о последствиях самостоятельного итальянского нападения на Грецию, изложил ряд мер, необходимых для исправления положения. В частности, он заявил, что без содействия Югославии едва ли удастся изменить тупиковую для итальянских войск ситуацию на греческом фронте, в том числе и тогда, когда весной 1941 г. Германия будет в состоянии начать военные действия в отношении Греции для помощи итальянским силам. А потому необходимо пойти на сотрудничество с Югославией и предпринять шаги по перетягиванию ее на сторону «оси». В качестве таких шагов Гитлер упоминал возможность предложить, чтобы Павел Карагеоргиевич занял югославский королевский трон, и обещать, что Белград получит территориальное удовлетворение в виде Салоник. Муссолини под таким гитлеровским напором пришлось выразить принципиальное согласие с тем, чтобы предпринять усилия по сближению и сотрудничеству с Югославией⁶³.

Подчеркивавшаяся нацистским фюрером важность сотрудничества с Югославией для действий против Греции должна была служить для Рима наиболее убедительным аргументом в пользу принятия германской позиции. В действительности эта позиция была обусловлена соображениями, связанными не только с военными целями на греческом фронте, но с гораздо более общими военно-политическими и особенно экономическими интересами Германии по созданию стабильного тыла и источника снабжения на Балканах в условиях планировавшегося Гитлером продолжения агрессии, в частности нападения на СССР. Югославия, как наиболее крупной балканской стране, отводилось здесь крайне значимое место. Исходя из подобных интересов, Берлин вслед за тем вообще взял переговоры с югославской стороной в свои руки.

На состоявшейся 29 ноября по приглашению немцев тайной встрече югославского министра иностранных дел Цинцар-Марковича с Гитлером последний поставил вопрос о том, что наступил момент, когда Югославия должна покончить с занимаемой ею неопределенной позицией и занять место рядом с Германией и Италией, войти в создаваемую ими «европейскую коалицию», иными словами, присоединиться к «оси». На этих условиях фюрер обещал

гарантировать согласие Рима с территориальной целостностью Югославии и получением ею Салоник, которые бы стали ее главным морским портом. А при переориентации на Эгейское море для успокоения Италии была бы проведена демилитаризация югославского адриатического побережья⁶⁴.

Так вслед за большинством других балкано-дунайских стран требование стать на сторону «оси» было предъявлено и Югославии. Правда, на встрече с Цинцар-Марковичем 29 ноября Гитлер в отличие от того, как он делал с другими, не поставил прямо вопроса о присоединении Белграда к Тройственному пакту. Вместо этого им была упомянута возможность заключения Югославией пакта о ненападении с Германией и Италией⁶⁵. Именно за такую формулу и ухватилось югославское руководство, надеясь таким образом избежать непосредственного присоединения к Тройственному пакту. И 7 декабря германской стороне было заявлено о согласии обсудить с германским и итальянским правительствами возможность подписания пакта о ненападении на базе итало-югославского договора от 25 марта 1937 г., которым предусматривались взаимное ненападение, уважение границ между Италией и Югославией и развитие дружественных отношений⁶⁶.

Однако одновременно из контакта Павла с британцами было видно, что он опасается возможной постановки Берлином вопроса о присоединении Югославии к Тройственному пакту⁶⁷. Две недели спустя опасения подтвердились: на югославское предложение от 7 декабря 1940 г. последовал 22 декабря германский ответ, что реализация такого предложения не означала бы удовлетворения условий, необходимых для упрочения отношений Югославии с державами «оси», поскольку остается вопрос о присоединении страны к Тройственному пакту⁶⁸. Таким образом, нацистским руководством был обозначен предел возможностям проведения Белградом политики лавирования.

***

Открыто выдвинутый Берлином перед Белградом вопрос о необходимости присоединения Югославии к Тройственному пакту ставил югославское руководство перед драматическим выбором. Оно не хотело выполнять фактическое германское требование, но просто отвергнуть его не решалось и потому все-таки продолжало попытки найти возможность лавирования, которое бы позволило тянуть время и уклоняться от решения, желательного Гитлеру. В подготовленном для Павла специальном докладе рассматривалось несколько вариантов предложений, которые югославская сторона могла бы представить Берлину в качестве альтернатив присоединению к Тройственному пакту. Один из вариантов состоял в том, чтобы проект заключения Югославией пакта о ненападении с Германией и Италией, уже отвергнутый Третьим рейхом, повторить, но дополнив

число участников такого пакта Советским Союзом. Другим вариантом предусматривалось подписание югославо-германского пакта о дружбе и ненападении, частью которого было бы обязательство Германии уважать независимость и целостность Югославии. Но как наиболее приемлемый для Белграда в докладе излагался вариант, при котором Югославия брала бы на себя роль посредника в прекращении итало-греческого конфликта, а вместе с тем предложила бы соглашение Балканских стран с обязательством не позволять использовать их территорию ни одной иностранной державе⁶⁹. Последнее имело в виду Великобританию и потому, как надеялись авторы доклада, могло бы вызвать интерес германской стороны. Хотя в самом же докладе не возлагалось особых надежд на эти предложения, часть из них была Павлом санкционирована. 20 января 1941 г. неофициальный югославский эмиссар вступил в контакт с Берлином, предлагая встречу Цветковича с министром иностранных дел Германии Риббентропом. Это было в конце января одобрено Гитлером, который решил и сам принять Цветковича. 6 февраля последовало от Риббентропа приглашение на переговоры Цветковичу и югославскому министру иностранных дел Цинцар-Марковичу⁷⁰.

При подготовке к визиту, которая происходила на фоне поступавших в Белград сообщений о наращивании численности немецких войск в Румынии, готовившихся к последующему вступлению в Болгарию, а оттуда — к действиям в Греции⁷¹, югославское правительство, следуя упомянутым выше наметкам, рассмотренным принцем-регентом, поручило посланнику в Москве Милану Гавриловичу прозондировать советскую позицию в связи со складывающейся ситуацией⁷².

Как уже говорилось, советское руководство было заинтересовано в том, чтобы поддержать Югославию, в том числе и содействием усилению ее оборонного потенциала, для противостояния угрозе ее подчинения «осью». Но оно пыталось совместить это с сохранением советско-германского взаимодействия, основанного на договоренностях 1939 года. Отсюда возникало постоянное советское опасение, как бы не обнаружить себя перед Берлином в качестве противовеса немцам в Югославии и не поставить под угрозу отношения с Германией. На предпринимавшиеся вслед за установлением советско-югославских дипломатических отношений попытки югославской миссии в Москве прояснить в Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) СССР, какова может быть позиция Советского Союза при том или ином критическом обороте событий в балкано-дунайском регионе, а особенно при возникновении непосредственной угрозы независимости или территориальной целостности Югославии, советская сторона неизменно предпочитала уклониться от ответа⁷³. А в посланной 17 октября 1940 г. Молотовым как наркомом иностранных дел установке о том,

какой линии поведения следует придерживаться полпредству СССР в Белграде в его отношениях с югославским руководством, указывалось, что Москва сочувствует делу независимости Югославии, но если речь идет об отношениях СССР с Германией, то, поскольку последняя выполняет августовский договор 1939 г., у советского правительства нет оснований для вмешательства в ее действия⁷⁴. Такая позиция сказалась и в вопросе о возможности приобрести в СССР вооружение, необходимое для югославской армии. Приобретение советского оружия и военной техники было крайне важно для Югославии. Германия и Италия всячески тормозили обещанную ими Белграду продажу военных материалов либо поставляли устаревшее и часто некомплектное вооружение, а британские поставки были крайне ограничены ввиду военных потребностей самой Великобритании, с трудом удовлетворявшихся при помощи США⁷⁵. Поэтому югославская сторона была очень вдохновлена, когда в сентябре 1940 г., как только в Москве приступил к работе югославской военной атташе Жарко Попович, он был принят на самом высоком военном уровне — наркомом обороны С. К. Тимошенко вместе с начальником Генштаба К. А. Мерецковым, которые выразили стремление пойти навстречу югославским нуждам в вооружении. После чего между Наркоматом обороны и Поповичем начались переговоры о поставках⁷⁶. Переговоры тянулись с перерывами до февраля 1941 года. Но, несмотря на достижение договоренности об объеме, ассортименте, способах поставок, Москва, вопреки неоднократным обещаниям, так их и не начала. Судя по непрерывно высказывавшемуся при этом Поповичу советскими представителями опасению, как бы обязательная тайна поставок не была нарушена при их осуществлении, главным в советской позиции оставалась боязнь нанести ущерб отношениям СССР с Германией⁷⁷. Таким образом, Москва в реально проводимой ею политике избегала ангажироваться оказанием какой-либо поддержки Белграду.

Такой же советская позиция оказалась и когда 8 февраля 1941 г. Гаврилович, выполняя упомянутое выше поручение, исходившее от югославского правительства, попытался выяснить советскую позицию в связи с наращиванием германских войск в Румынии, подготовкой к их вступлению в Болгарию и опасностью, непосредственно складывавшейся для Югославии. На вопросы Гавриловича принявший его первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский уклонился от определенного ответа, в результате чего посланник сообщил в Белград о своем впечатлении, что СССР, несмотря на свою заинтересованность в балканском регионе, пока все еще предпочитает выжидать и не вступать из-за Балкан в прямой конфликт с Германией⁷⁸. Вывод Гавриловича был верен, но, как и неполучение вооружения из СССР, не способствовал упрочению позиции Белграда в противостоянии нацистскому диктату.

В итоге на состоявшихся 14 февраля переговорах Цветковича и Цинцар-Марковича с Гитлером и Риббентропом Цветкович выдвинул лишь предложения о югославском посредничестве для прекращения итало-греческой войны и об инициативе Югославии с целью создания югославо-болгаро-турецкого блока, призванного не допустить ожидавшейся тогда высадки британских войск в Греции. Но с германской стороны это было встречено более чем скептически. Зато усиленно повторялся тезис о необходимости присоединения Югославии к Тройственному пакту. Югославский премьер, заверяя нацистских собеседников в стремлении к всемерному сотрудничеству Белграда с Берлином, на деле ограничился ответом, что доложит принцу-регенту Павлу настоятельную германскую рекомендацию. Вместе с тем Цветкович осторожно сослался на то, что вопрос о присоединении к Тройственному пакту труден для Югославии с внутривнутриполитической точки зрения ввиду необходимости считаться с массовыми настроениями среди населения. Но как аргумент он предпочел упомянуть не антигерманские настроения в сербском обществе, а вспышку антиитальянских чувств, вызванных заявлениями итальянской стороны, имевшими враждебную в отношении Югославии направленность⁷⁹.

Параллельно еще за пару недель до того Белград начал и тактическую игру с Римом: негласный эмиссар Павла предложил руководству Италии углубление югославо-итальянского договора 1937 г., но на сей раз без упоминания об участии в нем Германии. Эти итало-югославские переговоры были затем продолжены в течение февраля 1941 г., причем Муссолини относился к идее обновленного пакта положительно, надеясь использовать его для привлечения Югославии к итальянским военным усилиям в отношении Греции и к давлению на Турцию. В Белграде же рассчитывали представить переговоры, а возможно, и само заключение нового пакта, если бы дело дошло до него, как шаги по приближению Югославии к Тройственному пакту. Но Берлин, информированный Римом об этих переговорах, направил усилия на то, чтобы заблокировать их, предлагая итальянскому правительству не развивать контакты с эмиссаром Павла, пока немцы не добьются результата своих переговоров с югославами о присоединении последних к Тройственному пакту⁸⁰.

Одновременно германская сторона, стремясь ускорить желательную ей развязку, предприняла шаги по организации визита Павла к Гитлеру с целью нажима непосредственно на принца-регента⁸¹. 4 марта состоялась их секретная встреча, в ходе которой такой нажим был оказан. При этом фактические угрозы, что Югославия может упустить свой шанс, перемежались с обещаниями, что если она присоединится к Тройственному пакту, то целостность ее территории будет гарантирована Берлином, она получит Салоники, а участия в войне на стороне «оси» от нее

не потребуется. Павел в ответ пытался сослаться на возможность проектируемого заключения нового договора с Италией как на первый шаг по пути, который советует Гитлер, и в итоге заявил, что решение по вопросу о Тройственном пакте примет позднее. Однако он счел нужным сказать о своем отрицательном отношении к тому, чтобы присоединиться к пакту, аргументируя это как личными мотивами (греческим происхождением его супруги, своими симпатиями к Великобритании и негативной позицией по поводу Италии), так и боязнью тех потрясений внутри Югославии, которые способен вызвать такой шаг⁸². Ссылка на опасные внутриполитические последствия присоединения к Тройственному пакту была продолжением аргументации, частично уже использовавшейся Цветковичем в беседах с Гитлером и Риббентропом 14 февраля.

О происходившем на встрече с Гитлером принц-регент информировал тайно созданный им 6 марта Коронный совет. В заседании помимо Павла участвовали два других регента, а из членов правительства — премьер Драгиша Цветкович, вице-премьер Владко Мачек, игравший роль представителя Хорватии, министры иностранных дел, армии и флота, двора, а также министр Фран Куловец, ставший после того, как в декабре 1940 г. умер Антон Коросец, лидером Словенской народной партии и считавшийся в правительстве представителем Словении. Хотя были высказаны разные мнения относительно того, уступать или нет нацистскому давлению, однако решающим стало заявление министра армии и флота генерала Петра Пешича, что недостаточно вооруженные югославские войска не смогут защитить страну в случае нападения Германии, Италии, Венгрии и Болгарии (последняя как раз перед тем, 1 марта, присоединилась, после долгих проволочек, к Тройственному пакту, и на ее территорию вступили немецкие войска). В результате возобладала точка зрения о фактической невозможности отвергнуть требование Гитлера. Было решено направить усилия на то, чтобы добиться от Берлина желательных гарантий и не столь обязывающих Югославию условий, на которых она присоединилась бы к Тройственному пакту. Это было сформулировано на заседании в виде вопросов, на следующий день направленных германской стороне. Ее просили разъяснить, может ли Югославия в случае присоединения к пакту получить от Германии и Италии заявление, что они 1) будут уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии, 2) не потребуют от нее в период войны никакой военной помощи или пропуска войск либо военного транспорта через ее территорию, 3) «при новом устройстве Европы» будут считаться с югославской заинтересованностью в свободном доступе к Эгейскому морю через Салоники⁸³.

Продолжая все ту же тактику, к которой прибегали Цветкович и затем Павел в переговорах с Гитлером и Риббентропом, Цинцар-Маркович при пе-

редаче названных вопросов немецкому посланнику усиленно подчеркивал, сколь трудноосуществимо присоединение к Тройственному пакту ввиду противоположной этому настроенности югославского общественного мнения⁸⁴. Если перед тем такая аргументация должна была подкрепить попытки югославского руководства уклониться от присоединения к пакту, то теперь она была призвана обосновать необходимость германского согласия на перечисленные уступки: их предоставление, как весьма прозрачно намекал Цинцар-Маркович, позволило бы избежать нежелательных для Третьего рейха внутриполитических потрясений в Югославии.

В последующие несколько дней шел некоторый торг между Белградом и Берлином по поводу перечисленных выше вопросов. Гитлер был очень заинтересован в том, чтобы Югославия присоединилась к Тройственному пакту до начала германского вторжения в Грецию, запланированного на начало апреля. Заинтересованность была тем большей, что 2 марта в Греции началась высадка британского экспедиционного корпуса, а тем самым усиливалась потенциальная возможность перетягивания Югославии в британский лагерь и обусловленного этим эвентуального осложнения для предстоявшей греческой операции германских войск. В этой ситуации нацистское руководство выразило готовность официально дать почти все те гарантии, о которых вела речь югославская сторона: об уважении ее суверенитета и территориальной целостности; о том, чтобы не требовать пропуска войск или военного транспорта через ее территорию; об учете ее интересов в Салониках. Причем Берлин согласился, чтобы о названных гарантиях, за исключением пункта по поводу Салоник, было в том или ином виде сообщено публично для успокоения югославского общественного мнения. Однако закавыка была с желанием Белграда получить гарантию, что от Югославии в период войны вовсе не будут требовать какой-либо военной помощи другим государствам Тройственного пакта. Германская сторона возражала против подобной постановки вопроса, ссылаясь на то, что такая гарантия противоречила бы самому пакту и делала бы присоединение Югославии к нему бессмысленным. Берлин соглашался гарантировать, что от югославской стороны не будут требовать помощи в войне с Грецией, а по поводу вообще военной помощи предлагал лишь «доверительное» обещание, что ее, «вероятно», и не потребуется, но если все же дело до этого дойдет, то у правительства Югославии будет право заключить специальное соглашение о конкретном масштабе югославского участия. Белград же по данному пункту довольно твердо стоял на своем. В конечном счете нацистскому руководству пришлось и в этом пойти навстречу югославской настойчивости. Но оно категорически отвергло белградское пожелание, чтобы о подобной уступке тоже можно было объявить публично⁸⁵.

Переговоры по упомянутым вопросам были тайными, и с югославской стороны их обсуждение ограничивалось исключительно рамками Коронного совета, в то время как большинство министров, не входившее в его состав, не информировалось о происходившем. Лишь после достижения договоренности с Берлином по основным спорным пунктам решение о присоединении к Тройственному пакту было поздно вечером 20 марта вынесено на рассмотрение всего состава правительства. Там мнения разделились, но в итоге, как и в Коронном совете, возобладала точка зрения о неизбежности присоединения Югославии к пакту. В том числе за это, помимо большинства сербских членов правительства, высказались представители ХСС и Словенской народной партии. При этом Мачек подчеркнул, что в сложившейся ситуации нет возможности иного решения, а когда ситуация изменится, можно будет перейти на сторону противников «оси». Некоторые члены кабинета не заняли определенной позиции, в частности представитель Югославской мусульманской организации, а трое министров из числа видных сербских политиков выступили против и в знак несогласия с принятым решением подали в отставку (впрочем, один из них затем отставку отозвал). В правительстве в результате отставок перестали быть представленными СДС и Союз земледельцев⁸⁶.

Пока шли торг с немцами, перипетии в правительстве и последовавшая подготовка к официальному акту присоединения Югославии к Тройственному пакту, Лондон и формально нейтральный, но на деле поддерживавший британцев Вашингтон пытались повлиять на югославское руководство, чтобы оно отказалось от намеченного шага. Еще прежде Великобритания и постепенно наращивавшие активность США прилагали усилия, направленные на то, чтобы добиться от Белграда как минимум сохранения нейтралитета, а по возможности — и более активной позиции противостояния «оси». Эти усилия заметно возросли с рубежа 1940–1941 гг. Специальный эмиссар президента США Франклина Рузвельта полковник Уильям Доноуэн, в январе 1941 г. посетивший Югославию в ходе своего турне по ряду балканских стран, в беседах с Павлом, Цветковичем, Мачеком, некоторыми югославскими министрами и военными руководителями подчеркивал важность противостояния агрессору и обещал американскую помощь в этих целях. Та же мысль была центральной в посланиях, направленных Рузвельтом югославскому правительству и принцу-регенту в течение февраля⁸⁷. А игравший главную роль Лондон, ведя тяжелейшую войну с Германией и Италией, стремился к созданию союза Греции, Турции и Югославии в качестве военно-политического противовеса Гитлеру и Муссолини на Балканах, способного с британским содействием образовать при необходимости фронт борьбы с «осью» в Юго-Восточной Европе. Британская дипломатия настойчиво старалась воздействовать

на Белград в пользу подобного выбора, а особенно в пользу решительного вступления югославской армии в войну для оказания помощи Греции⁸⁸. Когда же с конца первой декады марта начала становиться реальной перспектива присоединения Югославии к Тройственному пакту, Лондон и Вашингтон забил тревогу, и последовало несколько их обращений к югославскому правительству и Павлу с настойчивыми предостережениями против того, чтобы это было сделано⁸⁹.

Стремясь добиться желательного результата, британцы попытались даже включить в эти усилия Советский Союз. В соответствии с указанием из Лондона, 22 марта британский посол в Москве Стаффорд Криппс обратился к Вышинскому с запросом, не может ли правительство СССР выступить против предстоящего присоединения Югославии к Тройственному пакту. По предложению Криппса аналогичный шаг предпринял одновременно югославский посланник в СССР Гаврилович, являвшийся противником решения, принятого в Белграде, и действовавший без ведома своего правительства. Но в тот же день оба, после доклада Вышинского Сталину, получили отказ⁹⁰.

Еще раньше, 9–14 марта, т. е. вслед за тем как Коронный совет 6 марта склонился в принципе к решению о присоединении к Тройственному пакту, тот же Гаврилович в телеграфной переписке с Белградом, причем вначале по каналам связи британского посольства в Москве, сообщал, что какие-то советские военные представители дали понять: желательно заключение военного пакта между СССР и Югославией, но с такой инициативой должны выступить сами югославы. Этих советских представителей посланник не называл, но настойчиво рекомендовал своему правительству откликнуться на их пожелание, а пока не соглашаться на требование Берлина. В качестве того, к кому обратились анонимные советские военные, в телеграммах Гавриловича фигурировал отставной полковник Божин Симич⁹¹. По решению, принятому еще в декабре 1940 г. Павлом Карагеоргиевичем, Симич прибыл в Москву на рубеже февраля–марта 1941 г. под прикрытием должности атташе югославской дипломатической миссии и имел полномочия для переговоров с советскими властями⁹². В чем состояла суть его задания, до сих пор неизвестно, как неизвестны и какие-либо данные о его деятельности в Москве. Есть лишь догадки в историографии, что он контактировал с советской военной разведкой. Но из единичных упоминаний о нем в некоторых ставших известными в последние годы советских документах, относящихся к более поздним событиям самого конца марта — начала апреля 1941 г., можно понять, что у Симича были довольно серьезные связи с советской стороной⁹³. Так что ее тайные предложения могли делаться через него. Однако среди тех же ставших доступными советских материалов есть телеграмма Молотова от 14 марта 1941 г. полпредству СССР

в Белграде о том, что ставшие распространяться слухи о якобы переговорах с югославами о военном союзе — вымысел⁹⁴.

В историографии не раз высказывались сомнения, не являлись ли сообщения Гавриловича предпринятой им с участием Симича, а возможно, и британцев мистификацией, запущенной с целью толкнуть Белград на обращение к Москве с предложением о заключении советско-югославского военного союза. Подобная мистификация могла быть обусловлена надеждой, что в случае советско-югославского соглашения произойдет решительное укрепление позиции Югославии, которое позволит отвергнуть требование Гитлера, а если соглашения СССР получить в итоге не удастся, то все-таки на время переговоров возникнет отсрочка присоединения к Тройственному пакту. Отсрочка тоже была способна считаться важной целью, ибо давала больший шанс на то, чтобы в конечном счете не допустить самого присоединения. Вместе с тем в историографии не исключалось, что намеки Москвы на возможность советско-югославского военного пакта имели место на самом деле, а телеграмма Молотова была призвана замести следы ввиду боязни осложнения советско-германских отношений⁹⁵. Во всяком случае, истинная подоплека сообщений Гавриловича остается пока загадкой.

Такой же загадкой остается пока и другое. Некоторые тогдашние деятели «Демократической левицы» и Народно-крестьянской партии, довольно тесно контактировавшие с КПЮ и советским полпредством в Белграде, утверждали впоследствии в своих мемуарах, будто накануне упомянутого выше заседания правительства, на котором было принято решение о присоединении к Тройственному пакту (напомним, что оно состоялось вечером 20 марта), временный поверенный в делах СССР В. З. Лебедев официально передал югославской стороне предложение о заключении союза между СССР и Югославией при условии, что последняя не присоединится к Тройственному пакту⁹⁶. На подобное советское предложение ссылался в ходе этого же заседания правительства один из тех его членов, которые высказались против присоединения к Тройственному пакту. Но министр иностранных дел Цинцар-Маркович в ответ заявил, что ему о таком советском обращении ничего неизвестно⁹⁷. Ни советские, ни югославские архивные документы, которые были до сих пор доступны для исследования, не содержат никаких упоминаний о такого рода шаге Лебедева. Так что не ясно, имел ли он место в действительности или и здесь могла быть какая-то мистификация.

Но независимо от того, какой была истинная подоплека сообщений Гавриловича из Москвы или версии о предложении, будто бы сделанного через Лебедева, ни все это, ни усилия Лондона и Вашингтона повлиять, чтобы Белград воздержался от присоединения Югославии к Тройственному пакту, не дали

результата. Исходя из того, что отказ присоединиться к пакту чреват угрозой нападения Германии, Италии, Венгрии и Болгарии, Павел был не в состоянии идти на риск подвергнуть страну такой опасности. Он скептически относился как к британским обещаниям оказать Югославии, если она вступит в войну с «осью», помощь вооружением и авиационным прикрытием из Греции, так и к доводам британцев, что югославская армия, напав на итальянские силы в Албании, сможет захватить там большие склады необходимых боеприпасов. Скепсис был вызван не только пониманием на самом деле весьма ограниченных в тот момент британских возможностей. Не менее, если не еще более важную роль играло соображение принца-регента по поводу того, что любая стратегия, при которой югославская армия была бы сосредоточена в более целесообразных с военной точки зрения операциях в юго-восточной и центральной частях страны, имела бы своим политическим результатом разрушение Югославии, ибо необходимое при этом ослабление, если не вообще отступление на севере и северо-западе было бы воспринято хорватами, а также словенцами как отказ государства от их защиты⁹⁸. Не говоря уж об упомянутом выше сомнении Павла, как и ряда югославских военных руководителей, в способности страны к сколько-нибудь длительному отражению агрессии. Кроме того, существуют недостаточно документально подтвержденные версии, что к тому времени в распоряжении принца-регента были разведанные о намеченном Гитлером на ближайшие месяцы нападении на СССР, и что даже сам фюрер сказал об этих своих планах Павлу при недавней встрече с ним⁹⁹. Если Павел действительно располагал такими сведениями, то они могли уменьшать в его глазах риск присоединения к Тройственному пакту, давая основания рассчитывать, что нацистскому руководству, когда оно окажется занятым масштабной войной на востоке, будет просто не до Югославии и серьезных требований к ней.

25 марта в Вене Цветкович и Цинцар-Маркович подписали от имени Югославии протокол о присоединении страны к Тройственному пакту. Как и было предварительно согласовано, подписание сопровождалось обменом нотами между Риббентропом и Чиано, с одной стороны, и Цветковичем — с другой. В нотах Риббентропа и Чиано содержались гарантии, дававшиеся Германией и Италией Югославии: 1. уважать ее суверенитет и территориальную целостность; 2. во время войны не требовать прохода или транспортировки войск через югославскую территорию; 3. не требовать от Югославии военной помощи; 4. «при новом определении границ на Балканах» учесть заинтересованность Югославии в территориальной связи с Эгейским морем путем «распространения ее суверенитета на город и порт Салоники». В ответных нотах Цветковича подтверждалось получение германских и итальянских нот,

а также содержалось обязательство югославского правительства считать третью и четвертую гарантии строго секретными и публиковать их только в случае, если это будет согласовано с правительствами держав «оси»¹⁰⁰.

В итоге, согласно перечисленным документам, присоединение Югославии к Тройственному пакту оказывалось, по сути, лишь символическим. Но публичке об этом можно было объявить только частично, поскольку главная, третья из упомянутых гарантий должна была оставаться тайной.

Но и об остальных гарантиях югославские средства массовой информации, и в том числе правительственные, объявить почти не успели. Ибо первые же известия сначала о предстоявшем, а затем об уже произошедшем присоединении Югославии к Тройственному пакту вызвали крайне негативную реакцию и острое чувство протеста в значительной, если не преобладающей массе сербского населения. В других этносах многонациональной Югославии такая реакция разделялась, как правило, лишь их левоориентированной частью, а также некоторыми демократическими и либеральными кругами. В Сербии и других регионах с сербским населением ста-

ли возникать протестные демонстрации и митинги. Волне возмущения, несомненно, способствовало то, что протестующие почти или вовсе не знали, на каких условиях руководство Югославии согласилось присоединиться к пакту. В такой общественной обстановке в ночь с 26 на 27 марта 1941 г. в Белграде несколькими расквартированными там воинскими частями, командирами которых являлись сербские офицеры-заговорщики, был произведен военный переворот. Путчисты отстранили от власти регентов во главе с Павлом и сместили правительство. На престол был — неожиданно для него самого — возведен за полгода до установленного срока (достижения 18 лет, т. е. совершеннолетия) наследный принц Петр Карагеоргиевич, ставший королем Петром II. Реальная власть оказалась в руках командующего ВВС генерала армии Душана Симовича, который стал премьер-министром и сформировал новое правительство. И хотя оно не решилось прямо аннулировать присоединения Югославии к Тройственному пакту, Гитлер принял 27 марта решение о нападении на Югославию. Нападение последовало 6 апреля и привело к стремительному захвату страны Германией, Италией, Венгрией и Болгарией.

¹ См.: Terzić V. *Slom Kraljevine Jugoslavije 1941: Uzroci i posledice poraza*. Drugo izdanje. Ljubljana; Beograd; Titograd, 1984. Knj. 1. S. 257.

² Например, повторяется тезис о якобы прогерманской внешней политике тогдашнего югославского правительства (Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1939–1945 / Отв. ред. В. В. Марьина. М., 1995. С. 102–103) или, вопреки исторической реальности, утверждается, будто Павел с самого своего прихода к власти в 1934 г. тяготел к германофильству (Задохин А. Г., Низовский А. Ю. *Пороховой погреб Европы*. М., 2000. С. 175).

³ См., например: Боснић П. Предговор // Мирковић Б. Истина о 27. марту 1941. године / Приредило П. Боснић. Београд, 1996. С. 8.

⁴ Эта историографическая оценка в суммарном виде отражена, например, в таких крупных работах более общего характера, как: Petranović B. *Istorija Jugoslavije 1918–1988*. Beograd, 1988. Knj. 1; Idem. *Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945*. Beograd, 1992; Pirjevec J. *Jugoslavija 1918–1992: Nastanak, razvoj ter raspad Karadjordjevićeve in Titove Jugoslavije*. Koper, 1995; *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.* / Отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999; Lampe J. R. *Yugoslavia as History: Twice There Was a Country*. Cambridge (Mass.), 2002.

⁵ *Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata* (далее — AR). Knj. 1 / Red. D. Gvozdenović. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1969. Dok. br. 104. S. 370.

⁶ Ibid. Dok. br. 125. S. 417–418.

⁷ Ibid. Dok. br. 96. S. 358–359; Dok. br. 125. S. 417–418.

⁸ См., например: Hoptner J. *Yugoslavia in Crisis 1934–1941*. New York; London, 1962. P. 170; Terzić V. *Op. cit.* Knj. 1. S. 261; Littlefield C. *Germany and Yugoslavia, 1933–1941: The German Conquest of Yugoslavia*. Boulder; New York, 1988. P. 75; Казимирић В. *Србија и Југославија 1914–1945*. Крагујевац, 1995. Књ. II. С. 389.

⁹ Не совсем ясно и то, как совместить сведения об обращении Павла к французам, целью которого было побудить к скорейшему проведению высадки в Салониках, со сведениями о том, что тогда же, в начале сентября 1939 г., югославский посланник в Риме просил послов западных держав, чтобы ни в коем случае не проводилась салоникская операция, ибо она могла бы поколебать участие Италии в войне, в то время как его совершенно необходимо сохранить (о демарше посланника в Риме см.: Vinaver V. *Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata (Da li je Jugoslavija bila francuski «satelit»)»*. Beograd, 1985. S. 419).

¹⁰ См.: Barker E. *British Policy in South-East Europe in the Second World War*. London; Basingstoke, 1976. P. 13–18; Hoptner J. *Op. cit.* P. 170–172; Terzić V. *Op. cit.* Knj. 1. S. 261–262.

¹¹ Barker E. *British Policy...* P. 16.

¹² Ibid. P. 18.

¹³ Об этих проектах блока и интерпретации позиций выдвигавших их сторон см., например: The *Ciano Diaries*. N.Y., 1946. P. 150, 152; Vinaver V. *Vojno-politička akcija fašističke Italije protiv Jugoslavije u jesen 1939. godine* // *Vojnoistorijski glasnik*. 1966. Br. 3. S. 79–83; Marzari F. *Projects for an Italian-Led Balkan Block of Neutrals, September–December 1939* // *The Historical Journal*. Vol. XIII. Issue 4 (1970); Avramovski Ž. *Balkanska Antanta (1934–1940)*. Beograd, 1986. S. 326–331.

- ¹⁴ Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3 (1939–1941). Beograd, 1996. Dok. 90. S. 237–238.
- ¹⁵ Ibid. Dok. 105. S. 290.
- ¹⁶ См., например: Ibid. Dok. 105. S. 291–292; Dok. 115. S. 318–319.
- ¹⁷ Avramovski Ž. *Balkanska Antanta*. S. 329–330.
- ¹⁸ См.: Ibid. S. 330–331, 335, 336–339; Marzari F. *Op. cit.*; Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXII: 1939 год. Кн. 2. М., 1992. Док. 768. С. 278–279; Док. 771. С. 281–282; Док. 773. С. 285; Док. 790. С. 314; Примеч. 274. С. 632–633.
- ¹⁹ Avramovski Ž. *Balkanska Antanta*. S. 343–345.
- ²⁰ Ibid. S. 350–351, 353–355.
- ²¹ *The Ciano Diaries*. P. 158–159, 187, 194, 199–200, 234, 243, 247; Knox M. *Mussolini Unleashed, 1939–1941: Politics and Strategy in Fascist Italy's Last War*. Cambridge; London; New York etc., 1982. P. 53–54.
- ²² См., например: *The Ciano Diaries*. P. 237, 243, 249.
- ²³ Винавер В. Политика Югославии према Италији 1939–1941. године // *Историјски записи*. Књ. XXV (1968). Св. 1. С. 91–94; Knox M. *Op. cit.* P. 88–92.
- ²⁴ См.: *The Ciano Diaries*. P. 234, 237, 247, 249.
- ²⁵ Ibid. P. 256–257.
- ²⁶ Avramovski Ž. *Balkanska Antanta*. S. 355–356.
- ²⁷ См., например: AR. Knj. 1. Dok. br. 104. S. 370; Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3. Dok. 102. S. 278–279, 280–281.
- ²⁸ Архив Србије и Црне Горе (далее — АСЦГ). Ф. 370. Фасц. 34. Арх. јед. 95. Л. 595–597, 599–602; Советско-югославские отношения 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов / Отв. ред. В. В. Зеленин, С. Цветкович. М., 1992 (далее — СЮО). Док. 254–255. С. 308.
- ²⁹ AR. Knj. 1. Dok. br. 192. S. 599–600; Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3. Dok. 149–150. S. 423–424; АСЦГ. Ф. 370. Фасц. 34. Арх. јед. 95. Л. 614.
- ³⁰ Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3. Dok. 151. S. 426.
- ³¹ Ibidem.
- ³² ДВП. Т. XXIII: 1940 — 22 июня 1941. Кн. 1. М., 1995. Док. 148. С. 260–267.
- ³³ СЮО. Док. 261. С. 315; Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 34.
- ³⁴ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 11. Л. 120–123 (частично опубликовано в: СЮО. Док. 261. С. 314–315).
- ³⁵ АСЦГ. Ф. 370. Фасц. 34. Арх. јед. 95. Л. 646, 658; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 221. С. 369–370.
- ³⁶ AR. Knj. 1. Dok. br. 241. S. 711.
- ³⁷ Ibid. Nap. 2. S. 711.
- ³⁸ См., например: Гибианский Л. Я. Балканский кризис и Советский Союз // *Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР*. Материалы международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра. Москва, 3–4 февраля 2005 г. М., 2006. С. 483–488, 495–497.
- ³⁹ См.: *Uvod* // Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941: *Tematska zbirka dokumenata*. Beograd, 1990. S. 28 (Nap. 1); Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. Разд. VII. Док. 20. С. 359; Avramovski Ž. *Balkanska Antanta*. S. 361; Vinaver V. *Jugoslavija i Mađarska 1933–1941*. Beograd, 1976. S. 373–376.
- ⁴⁰ Hoover Institution Archives. Collection: Vladimir Milanović Papers. Box 10. Unnumbered and untitled folder. Files: «Бугарске претензије на Македонију (од слова Француске) — Писање штампе, манифестације и напади против нас у Бугарској», «Македонско питање», «Бугарска — документарна архива»; АСЦГ. Ф. 138. Фасц. 4. Арх. јед. 11. Л. 179–180, 183–185, 187–192, 203–204, 214, 224, 225, 227, 228; Ф. 334. Фасц. 15. Арх. јед. 40. Л. 1–7. См. также: *Uvod* // Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941. S. 42–46.
- ⁴¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). М., 1998. Док. 499. С. 47; Док. 540. С. 123; Док. 550. С. 138.
- ⁴² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 578. С. 175. Москва предлагала Софии поддержать болгарские претензии к Греции и Турции, о Югославии речи не шло.
- ⁴³ Подробнее см.: Гибианский Л. Я. Балканский кризис и Советский Союз. С. 504–505; *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным*. С. 430–431.
- ⁴⁴ См.: Terzić V. *Op. cit.* Knj. 1. S. 300, 303–304, 305–306; Vinaver V. *Jugoslavija i Mađarska 1933–1941*. S. 392–393; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 583. С. 181; Petranović B., Zečević M. *Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata*. Beograd, 1988. S. 452.
- ⁴⁵ AR. Knj. 1. Dok. br. 250. S. 737; Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3. Dok. 204. S. 509; *The Ciano Diaries*. P. 273, 281.
- ⁴⁶ Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3. Dok. 204. S. 509.
- ⁴⁷ См., например: AR. Knj. 1. Dok. br. 250. S. 737.
- ⁴⁸ Ibid. Dok. br. 283. S. 854–855; Dok. br. 285. S. 857–859; Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3. Dok. 222. S. 539; Terzić V. *Op. cit.* Knj. 2. S. 680–681.

- ⁴⁹ The Ciano Diaries. P. 285, 286.
- ⁵⁰ AR. Knj. 1. Dok. br. 268. S. 784.
- ⁵¹ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 220. S. 537.
- ⁵² AR. Knj. 1. Dok. br. 293. S. 872–874.
- ⁵³ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 221. S. 538; Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988. S. 442.
- ⁵⁴ AR. Knj. 1. Dok. br. 293. S. 872–874 (с примечаниями); Dok. br. 304–305. S. 905–907; Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 288–293.
- ⁵⁵ AR. Knj. 1. Dok. br. 287. S. 861–862; Dok. br. 293. S. 874; Dok. br. 294. S. 875–879; Dok. br. 296. S. 883–884; Dok. br. 297. S. 885–889.
- ⁵⁶ Ibid. Dok. br. 291. S. 870; Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 228. S. 545; Dok. 229. S. 546.
- ⁵⁷ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 225. S. 542.
- ⁵⁸ Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 290, 584–586.
- ⁵⁹ AR. Knj. 1. Dok. br. 304. S. 905; Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 232. S. 550.
- ⁶⁰ См.: AR. Knj. 1. Dok. br. 301–302. S. 895–900; Dok. br. 309. S. 916; Dok. br. 313. S. 926–932; Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 226. S. 543; Аврамовски Ж. Бомбардирањето на Битола на 5. XI. 1940 година и прашањето за оставката на генерал Милан Недиќ // Гласник на Институтот за национална историја. Год. VII (1963). Бр. 1.
- ⁶¹ Аврамовски Ж. Указ. соч. С. 111–114; Čulinović F. Dvadeset sedmi mart. Zagreb, 1965. S. 42; Milovanović N. Generali izdaje. Beograd, 1977. Knj. 1. S. 214–215; Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 293; Petranović B. Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. S. 54; Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1990. S. 229. Nap. 1; Мартиновић-Бајица П. Милан Недић. Београд, 2003 (первая публикация: Чикаго, 1956). С. 69–70.
- ⁶² Ср.: The Ciano Diaries. P. 309; Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 295.
- ⁶³ AR. Knj. 1. Dok. br. 312. S. 921–925; Dok. br. 314–315. S. 933–939; The Ciano Diaries. P. 312, 313.
- ⁶⁴ AR. Knj. 1. Dok. br. 323. S. 954–960.
- ⁶⁵ Ibid. S. 958–959. Это сопровождалось совершенно туманным добавлением, что «при известных условиях можно было бы пойти и дальше».
- ⁶⁶ AR. Knj. 1. Dok. br. 328. S. 970–972, а также Nap. 6. S. 972.
- ⁶⁷ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 250. S. 569.
- ⁶⁸ AR. Knj. 1. Dok. br. 331. S. 975–976.
- ⁶⁹ АСЦГ. Ф. 138. Фасц. 1. Арх. јед. 1. Л. 526–532. См. также: Сборник радова округлог стола “27. март 1941: Кнез Павле у вихорима европске политике”. Београд, 2003. Прилози. С. 211–213.
- ⁷⁰ AR. Knj. 2 / Prired. A. Miletić. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1987. Dok. br. 6. S. 22–24; Dok. br. 22. S. 72.
- ⁷¹ Ibid. Dok. br. 7. S. 25–27; Dok. br. 21. S. 69–71.
- ⁷² Ibid. Dok. br. 17. S. 62.
- ⁷³ См., например: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 257. С. 425–426; Кн. 2 (Ч. 1). Док. 485. С. 24; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 28. Д. 364. Л. 1–5 (частично см. также СЮО. Док. 273. С. 333–334); Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 74, 79, 81–82, 90, 94; Hoover Institution Archives. Collection: Milan Gavrilović Papers (далее — HIA-Gav.). Box 31. Folder 2. Gavrilović — MIP, 22.08.1940.
- ⁷⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 450. С. 687.
- ⁷⁵ См.: Cvijetić L. Prodaja naoružanja kao metod ekonomskog i političkog pritiska nacističke Nemačke na Jugoslaviju // Istorija XX veka: Zbornik radova. XIII. Beograd, 1975; Vinaver V. Jugoslovensko-ingleski ugovor o isporuci naoružanja 1940. godine // Vojnoistorijski glasnik. 1966. Br. 5.
- ⁷⁶ Hoover Institution Archives. Collection: Žarko Popović Papers (далее — HIA-Pop.). Box 1. Folder 12. P. 1–2; Folders 14, 18, 21.
- ⁷⁷ HIA-Pop. Box 1. Folders 18; 21; 23; 24; 26; 27; 28; 30; 32; 33; 35; 36. P. 2–3; Box 2. Folder 28. P. 4–5; Box 3. Folder «Др Гавриловић, Москва». P. 6, 7. См. также: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 418, 423, 438–441.
- ⁷⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 673. С. 387–389; AR. Knj. 2. Dok. br. 24. S. 74–76.
- ⁷⁹ AR. Knj. 2. Dok. br. 25–26. S. 77–93; АСЦГ. Ф. 138. Фасц. 4. Арх. јед. 18. Л. 302–305.
- ⁸⁰ AR. Knj. 2. Dok. br. 19. S. 66–67; Dok. br. 38. S. 162–163; Dok. br. 42. S. 170.
- ⁸¹ Ibid. Dok. br. 28. S. 97; Dok. br. 39. S. 164.
- ⁸² Ibid. Dok. br. 53. S. 202–203.
- ⁸³ Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988. S. 456; AR. Knj. 2. Dok. br. 55. S. 204–205; Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941. S. 106–107.
- ⁸⁴ AR. Knj. 2. Dok. br. 55. S. 205. Таковым было настроение главным образом сербского общественного мнения, о чем еще пойдет речь впереди.
- ⁸⁵ AR. Knj. 2. Dok. br. 57. S. 207–208; Dok. br. 59. S. 211–212; Dok. br. 63. S. 219–220; Dok. br. 65–67. S. 221–225; Dok. br. 72–73. S. 230–234; Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941. S. 117–118.
- ⁸⁶ См., например: Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941. S. 231–236.
- ⁸⁷ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 270. S. 597–598; Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988. S. 453, 454.

- ⁸⁸ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 249. S. 568; Dok. 282. S. 610; Dok. 291. S. 621; Dok. 293. S. 623; Dok. 302. S. 634, etc. См. также: Barker E. British Policy... P. 87–88.
- ⁸⁹ Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988. S. 456, 457–458; Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 332. S. 668; Dok. 335. S. 671; Dok. 344. S. 684; Dok. 348. S. 688–689; Dok. 357. S. 699.
- ⁹⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 730. С. 490; Док. 731. С. 493–494; Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. / Публ. подг. А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев // Исторический архив. 1996. № 2. С. 43; HIA-Gav. Box 32. Folder 2. Gavrilović — MIP, 23.03.1941, Str. Pov. Br. 133; Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. I. London, 1970. P. 539. Подробнее см.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 457–460.
- ⁹¹ HIA-Gav. Box 32. Folder 2. Gavrilović, Moskva, 9.03.1941. Str. Pov. Br. 111; Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945: Документи и материјали. Београд, 1996 (далее — ОЈР). № 3. С. 12–15 (не вполне точный перевод на русский язык см. в: Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998 (далее — ОРЮ). № 2–3. С. 9–11).
- ⁹² АСЦГ. Ф. 378. Фасц. 1 (несређено). Арх. јед. «Посланство КЈ у Кујбишеву 1940/1941. Персонална решења службеника». Персонална документација «Симић Божин»; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 591. С. 200; ОРЮ. № 1. С. 9; HIA-Pop. Box 1. Folder 58. P. 15; Box 2. Folder 28. P. 5.
- ⁹³ Так, когда после произошедшего в Югославии 27 марта 1941 г. военного переворота, о котором речь впереди, готовилась поездка в Москву делегации нового югославского правительства, Молотов телеграфировал советскому полпредству в Белграде о желательности включения Симича в состав делегации. А затем в Москве, помимо переговоров делегации в НКВДе, Симич отдельно встречался с замначальника советского Генштаба, начальником Разведывательного управления Ф. И. Голиковым. ОРЮ. № 13. С. 20; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 751. С. 531, 532.
- ⁹⁴ ОРЮ. № 3. С. 11.
- ⁹⁵ О версиях историографии подробнее см.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 446–454.
- ⁹⁶ Smiljanić D. Sećanja na jednu diktaturu. Beograd, 1960. S. 205–206; Јовановић Д. Политичке успомене. Књ. 6: Узлет у бури. Београд, 1997. С. 229.
- ⁹⁷ Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941. S. 234–235.
- ⁹⁸ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 243. S. 562; см. также: Dok. 230. S. 547–548; Dok. 273. S. 601.
- ⁹⁹ См.: Vauhnik V. Nevidna fronta. Ljubljana, 1972. S. 149; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. I: Накануне. Кн. 2 (1 января — 21 июня 1941 г.). М., 1995. Док. № 176. С. 76; ОРЮ. № 20. С. 26; Miner S. M. Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill; London, 1988. P. 119; Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Пер. с англ. М., 1999. С. 193, 197.
- ¹⁰⁰ AR. Knj. 2. Dok. br. 108. S. 308–311; Dok. br. 110. S. 315; Dok. br. 112–118. S. 321–331. См. также: Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 420–431.